

От создателя
Тани
Гроггер

Омгтрий Емеу

НЛО
прибывает по
расписанию

Дмитрий Емец

НЛО прибывает по расписанию

«Емец Д. А.»

2004

Емец Д. А.

НЛО прибывает по расписанию / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2004

На заброшенной лесной дороге машина уфологов подверглась странному нападению сверкающего шара. Сбившиеся с лыжни Катя и Федор бросаются к машине, но помочь людям в ней невозможно – они покрыты слоем льда. Документы ученых уничтожены, и лишь диск, который ребята уносят с собой, проливает свет на то, что произошло. Прочитав секретные файлы, ребята приходят в ужас – через несколько дней планируется вторжение инопланетных кораблей. Их цель – завоевание Земли... Повесть также выходила под названием «Пленники лазерного диска».

© Емец Д. А., 2004

© Емец Д. А., 2004

Содержание

Глава I. ТАЙНА СГОРЕВШЕЙ МАШИНЫ	5
Глава II. НА ВОЛОСКЕ	13
Глава III. ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ МЕДАЛЬОН	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий ЕМЕЦ

НЛО ПРИБЫВАЕТ ПО РАСПИСАНИЮ

Глава I. ТАЙНА СГОРЕВШЕЙ МАШИНЫ

«Совершенно секретно – разглашению не подлежит».

7 мая 20... года в 13.45 крейсер ВМС «Стремительный» сообщил на базу в Архангельске: на экранах радаров появился неопознанный летающий объект, движущийся в сторону побережья со скоростью более 5000 морских миль в час. С базы ответили, что объект зафиксирован также рядом военных и гражданских РЛС.

В 13.52 объект вошел в воздушное пространство России. С Земли попытались связаться с ним по радио. Безуспешно. Тогда с базы ВВС на Малой Земле на перехват цели было направлено звено «МиГов». При заходе на цель один из «МиГов» потерял ориентировку. У него отказала вся бортовая электроника, и он рухнул в Баренцево море. Пилот едва успел катапультироваться.

Второй «МиГ» выпустил ракеты, но объект на огромной скорости изменил траекторию полета и скрылся. «МиГи» повторить этот маневр не смогли. Вскоре объект исчез с радаров.

Из секретных архивов ВВС России

- Макаров, ты болван!
- Это ты идиотка, Туркина!
- Ты как с девушками разговариваешь?
- Ты первая начала!
- Я тебя не оскорбляла!
- А болваном кто меня назвал?
- «Болван» – это не оскорбление, а «идиотка» – оскорбление! – заявила Катя.

Федор хмыкнул и озадаченно сдвинул сползшую на глаза шапку. Лично он не видел никакой разницы между двумя этими эпитетами. Впрочем, переубедить упрямую Катю ему все равно не удастся – он это отлично знал.

– Зачем ты свернул на эту лыжню? Я же говорила тебе, что это не та лыжня! – сердито сказала Туркина.

– А тебя кто просил за мной идти? Сама небось тоже срезать хотела! – огрызнулся Макаров.

Он и сам понимал уже, что сглупил, но не собирался в этом сознаваться. И угораздило же Андрея Тихоныча, их физкультурника, потащить класс с лыжами в лес! Куда проще было бы остаться в зале и поиграть в волейбол или в мини-футбол. Его, Федора, как обычно, поставили бы на ворота, и все бы стали рваться к нему в команду, потому что та команда, чьи ворота он защищает, почти не пропускает голов, а следовательно, просто обречена на победу.

Они стояли посреди глухого Дементьевского леса. Вокруг синеватыми сугробами громозился подтаявший снег. Старая лыжня, по которой они шли уже минут пятьдесят, окончательно осыпалась и сгинула в проталинах.

«Ну уж нет! Только этого не хватало! Заблудились, как какие-нибудь чайники!» – подумал Федор.

Катя раздраженно воткнула в сугроб лыжную палку. Под снегом проступила вода.

– Ты видел? И это называется лыжи? – возмутилась Туркина.

– Лыжи бывают разные. В том числе и водные, – уточнил Федор.

Одноклассница фыркнула.

– Спорим, что школьный автобус уехал! Станет он нас ждать! – сказала она.

– Ничего. Доберемся как-нибудь. Главное, выйти на шоссе, а там нас любая машина подвезет, – без особенной уверенности сказал Макаров.

Федор взглянул на свою спутницу, одетую в ярко-синий, со светящимися полосами комбинезон. Сердитое хорошенькое лицо, вздернутый нос и тяжелая коса, выбившаяся из-под шапки. Вот такая она, Катя Туркина.

Пожалуй, Макаров даже был рад, что они заблудились. Когда еще он мог побыть наедине с самой красивой девочкой 8-го «Б»? Интересно, Туркиной известно, что он вырезал ее фотографию из общей фотографии класса и вклеил в свой медальон? Хотя откуда она может это знать? Они проучились в одном классе уже восемь лет, а до сих пор почти и не общались, только перебрасывались иногда парой-тройкой слов, часто даже совсем нелестных.

Федор вздохнул.

– Ну что, потопали обратно? По своей лыжне выберемся, – предложил он, но Катя неожиданно заупрячилась:

– Опять петли делать? Ну уж нет, ни за какие коврижки! У меня в ботинках настоящая каша. Хоть носки выжимай и на дерево вешай.

– У меня тоже ноги мокрые, – буркнул Федор.

– В самом деле? – заинтересовалась Туркина. – Тогда это меня утешает. Чтоб ты заболел!

– Хорошо, заболею! – пообещал Макаров. – Будем вместе лежать в больнице.

– С кем лежать? С тобой? Ни за что! Найди короткую дорогу! – потребовала Катя.

– Как я ее найду?

– Ты мужчина?

– Ну... э-ээ... да!

– Вот и придумай что-нибудь! По-моему, шоссе здесь где-то рядом.

Подумав, Федор решил, что Туркина права. Они вполне могли сделать крюк и теперь находиться неподалеку от шоссе. Если так, то нет смысла снова петлять и возвращаться по лыжне, в конце которой их все равно уже никто не ждет.

– Ладно, сейчас посмотрю, – согласился он.

Неожиданно в кустах справа от лыжни что-то завозилося. Туркина пугливо прислушалась.

– Ты слышал? Что это?

– Откуда я знаю? Скорее всего, медведь, – пугая ее, сказал Федор.

– Разве тут есть медведи?

– Сколько хочешь. Вылез из берлоги и шатается.

Макаров злодейски усмехнулся. Он-то успел уже разглядеть, что за «зверь» прячется в кустарнике.

– Хочешь на него посмотреть? погоди, я сейчас подшибу этого зверюгу!

Он скатал снежок и, прицелившись в мелькнувший в кустарнике силуэт, бросил. «Класс! Прямо в пятак угодил!» – подумал Макаров, очень довольный, что ему удалось попасть с первого раза.

– Ледышками швыряться! Йоксель-моксель! Больно же! – взвыл «медведь».

Увязая в сугробах, на лыжню выскочил Борька Пузиков. Этот Пузиков был в своем роде парадокс природы, казус, главная неприятность 8-го «Б». Впрочем, с милыми чертами его характера мы еще столкнемся. Теперь же на лбу у Пузикова был замечен след от снежка, а его пухлые румяные щеки ехидно вздрагивали.

– Что, хмыри, не ждали? – сказал он.

– Сам хмырь! – парировал Федор.

– За хмыря ответишь! – сказал Пузиков.

– Только этого типа тут не хватало! – простонала Туркина. – Что ты тут торчишь?

– Хочу и торчу, Туркина-Буркина!

– Хотя в другом месте, Пузиков-Арбузиков!

– Где хочу хотеть, там и буду! – казус 8-го «Б» препротивно осклабился. – Что вы в лесу делали, а?

Макарову захотелось засветить ему в глаз. Он даже не нашелся что ответить, зато Катя нашлась.

– А тебе что, завидно? – издевательски подхватила Туркина.

– Мне-то?

Пузиков скорчил самую кислую из своих мин, а всех мин у него было по меньшей мере тысячи три.

– Нужны вы мне! Я тут еще раньше вашего торчал! – соврал он.

– С какой стати?

– С такой! Что я, заяц на велосипеде, чтобы круги наматывать? – заявил Пузиков.

Все встало на свои места. Видимо, Борька тоже решил срезать, но перепутал лыжню и увяз. Спohватившись, Борька хотел выйти на основную лыжню, но тут увидел Туркину с Федором и незаметно увязался за ними. Что было дальше, уже известно: кустарник выдал его, и Пузиков схлопотал в лоб снежком.

Туркина критически оглядела свою свиту.

– Ладно, обормоты, давайте выбираться! – сказала она, отталкиваясь палками.

Федор поспешил за ней.

– Эй, нельзя ли топать помедленнее? У меня лыжи не той мазью намазаны! – заскулил, догоняя их, Борька.

– Чего же ты их мазал чем попало?

– Чем попало? Сам ты «что попало»! Это чемпионская мазь. Она пятьдесят баксов стоит!

– Пряма-таки пятьдесят? – усомнился Федор.

– Ну, сорок пять, – поправился Пузиков и щедро предложил: – Хочешь я тебе ее за сорок продам? Как другу? Если б ты не был моим другом, я б и за сто не отдал!

Макаров молча взглянул на него и поехал быстрее. Поторговавшись сам с собой, Пузиков спустил цену за мазь до десяти рублей и здорово отстал, оглашая лес воплями «Подождите меня!».

Вскоре Катя и Федор остановились у высокой сосны с красноватым шершавым стволом. С вершины этой сосны почти наверняка можно было увидеть шоссе.

– Лезть надо! – без особого энтузиазма сказал Макаров. – Кто полезет?

– Давай разыграем! Я зажму монету, а ты угадай, в какой руке, – предложил подоспевший Пузиков.

Они разыграли, и Борька неожиданно для себя проиграл. «Мухлеж!» – завопил он возмущенно. Они переиграли, и Пузиков снова проиграл.

– Лезь. Ну! – подбодрил его Федор.

– Ну – баранки гну! – заявил Пузиков.

Он неуклюже попытался вскарабкаться, но, не добравшись и до первой ветки, сполз вниз.

– Смола! Не хочу штаны пачкать. Они у меня за сто баксов, – сказал он.

– За сколько?

– Ну, за девяносто пять, – поправился Борька. – А тебе что, нравятся? Отдам за восемьдесят. Как другу!

Мысленно сопоставив свой размер с размером Пузикова, Федор прикинул, что вполне мог бы просунуть обе свои ноги в одну его штанину.

– Ладно, сиди уж. Я сам полезу, а то ты сосну поломаешь, – великодушно сказал Макаров.

Скинув лыжи, он полез наверх. Обычно Федор карабкался на деревья совсем неплохо, но сейчас тонкие ветки, за которые он пытался ухватиться, как назло обламывались, и, обдирая кору, он соскальзывал по стволу. Катя насмешливо наблюдала за его попытками с земли.

– Да, Макаров, обезьяна из тебя вышла бы совсем никудышная! Ей не досталось бы ни одного банана! – заметила она.

– Посмотрел бы я на твою обезьяну, напяль на нее лыжные ботинки и сползающую шапку! – огрызнулся Федор.

Пузиков предусмотрительно помалкивал в тряпочку и отряхивал кору со своих лжебаковых штанов. Забравшись метров на семь, пока позволяли гнувшиеся под его тяжестью ветки, Макаров с опаской взглянул вниз. Катя и Борька казались отсюда маленькими и какими-то приплюснутыми.

– Эй, орангутанг, не рухни мне на голову! – долетел снизу голос Туркиной.

«Это кто орангутанг? Я? Вот уж комплимент!» – подумал Федор и пообещал:

– Спасибо за подсказку! Я на твою голову специально спрыгну!

Прижимаясь щекой к сосновой коре, покрытой липкой смолой, он стал осторожно оглядываться. Но, увы, их надежды не оправдались. Обзор сверху был даже хуже, чем снизу. Вокруг были только покачивающиеся верхушки деревьев и тишина, тишина, тишина, нарушаемая лишь сухим потрескиванием трещащих ветвей.

«Хоть бы машина загудела на шоссе или еще звук какой-нибудь донесся, а то что толку тут сидеть, все равно ничего не увидишь», – подумал Федор.

Он хотел уже спускаться, но внезапно неподалеку что-то ослепительно вспыхнуло, и Федору почудилось, будто он оказался в центре прожекторного луча. Лес вокруг залило жестким белым светом. Макаров зажмурился, но сразу открыл глаза и повернулся в сторону вспышки.

Он увидел яркий желто-серебристый шар, повисший над буреломом в нескольких сотнях метров севернее. Сначала шар неподвижно висел над лесом, а потом беззвучно, с чудовищной скоростью рванул вверх и мгновенно пропал.

– Ну – баранки гну! Йоксель-моксель! – донесся снизу изумленный и испуганный голос Пузикова.

Перед тем как исчезнуть, шар выбросил несколько тонких длинных лучей. Один из лучей косо срезал вершину соседней березы и, угаснув, ударил в ствол рядом со щекой Федора. Мальчик почувствовал сладковатый запах оплавленной смолы и, обламывая ветки, захватывая ртом воздух, съехал в сугроб. Выбравшись, он обнаружил, что в сугробе он не один. Рядом, вытянув ноги с торчавшими вверх лыжами, уже обретался опрокинувшийся от удивления Пузиков.

– День так плох, чтоб я сдох! – сказал Борька свою любимую присказку и повторил: – Ни фиги себе!

Катя подбежала к Федору.

– Ты видел? Видел вспышку? Что это было?

– Ш-шар! – хрипло отозвался Федор.

Он все еще не мог прийти в себя. Если бы не береза, принявшая на себя луч, он был бы теперь мертв. Лежал бы сейчас на снегу, оплавленный, как кора. Никогда еще курносая старуха с косой не проходила от него так близко.

Этот ослепительный шар хотел его убить, в этом Макаров не сомневался. Но почему, зачем? Потому что он видел. Что видел? Что он мог видеть?

– Какой шар? Ты что, не слышишь? Эй, эй!

Катя энергично трясла его за плечо. Кажется, она повторяла вопрос уже не в первый раз.

– Желтый... Яркий, как маленькое солнце... Я видел его совсем близко, – ответил наконец Федор.

– Кто желтый? Шар? Шар?

Не отвечая, Макаров встал и стал торопливо надевать лыжи. Катя уцепилась за его рукав.

– Ты куда, Федор?

– Хочу посмотреть на поляну, над которой он висел. Она здесь рядом, самое большее метров триста.

– погоди, я с тобой! – вызвался Пузиков и, барахтаясь в снегу, добавил: – Только пусть кто-нибудь поможет мне встать.

Не оглядываясь на своих спутников, почти забыв о них, Федор зашагал по сугробам. Его дешевые широкие лыжи позволяли передвигаться даже по глубокому снегу, где не было лыжни. В этом смысле они были намного лучше, чем тонкие пластиковые лыжи Туркиной или не по росту длинная «Карелия» Пузикова. Далеко не всегда самое дорогое оказывается лучшим. Нередко бывает и наоборот.

Схватив палки, Катя поспешно нагнала его.

– Постой, не бросай меня! Ты не боишься, не боишься? – крикнула она, увязая в снегу.

Федор, не останавливаясь, пожал плечами:

– Боюсь? Не знаю. Может, и боюсь. Но я хочу выяснить.

– Тогда я с тобой. Только не спеши, как паровоз, у меня лыжи застревают!

– Не жалуйся, Туркина-Буркина! Я же не жалуясь, – встрял Пузиков.

– А тебе-то чего жаловаться, Пузиков-Арбузиков? – возмутилась Катя.

– Мне чего жаловаться? А ты на меня посмотри! – хмуро сказал Борька.

Туркина взглянула на него и невольно прыснула, прикрыв рот перчаткой. На Борькины лыжи налипло столько снега, что он казался стоящим на двух гигантских сугробах. Вот вам и чемпионская мазь за пятьдесят долларов!

Глубоко в Дементьевский лес вонзалась заброшенная дорога, занесенная снегом. Дорога, оставшаяся с той поры, когда здесь, под городком, были лесозаготовки, ответвлялась от основного шоссе и завершалась тупиком. В тупике перед перегораживающим проезд толстым бревном, вывернув вбок колеса и уткнувшись бампером в высокий сугроб, стояла синяя «Газель» с затемненными стеклами.

– Ишь ты, из самой Москвы приперлись! За три тысячи километров! – сказал Пузиков, с пытанием переставляя свои лыжи.

– Откуда ты знаешь, что из Москвы? – удивилась Туркина.

– Разуй глаза! У нее в номере 99-й регион, – авторитетно пояснил Борька.

– Классно, что мы машину встретили. Сейчас узнаем, как отсюда выбраться. Может, даже до города подбросят.

Катя выехала на дорогу и, отталкиваясь палками, заспешила к «Газели».

– Эй! Эй! Люди! – закричала она. – Люди, ау?!

– погоди, Туркина! Давай лучше я! – предложил Федор.

Эта уткнувшаяся в сугроб машина ему совсем не нравилась. Абсолютно не нравилась, хотя он не мог объяснить почему.

Федор уже сообразил, что тот просвет между деревьями, который он сверху принял за поляну, на самом деле был старой дорогой. А раз так, то и загадочный шар зависал именно над этим местом. Должно быть, люди в «Газели» смогли разглядеть его во всех подробностях.

Но Катя уже не думала об осторожности – так ей хотелось выбраться из леса. Приблизившись к машине, она разглядела на ее передней двери белый круг с изображенной на нем летающей тарелкой и крупными готическими буквами: «Общество по изучению тайн и загадок Вселенной».

– Ого! Уфологи! – воскликнул подоспевший Федор.

– Откуда ты знаешь, что это уфологи?

– Разве не понятно? – он кивнул на эмблему. – Интересно, какая муха их укусила, что они приехали в нашу глухомань? Ловили бы летающие тарелки у себя на Красной площади.

– А это вы видали? – внезапно воскликнул Пузиков.

Макаров растерянно обернулся.

– Где?

– У тебя на бороде.

– Кто? – не расслышала Катя.

– Дед Пихто! – мгновенно среагировал Пузиков.

Его небогатый словарный запас на девяносто процентов состоял из подобных «отбрыва-лок», вследствие чего переругиваться с Пузиковым было совершенно бессмысленным занятием.

Присев на корточки, Борька разглядывал пересекавшие дорогу крупные следы – не то собачьи, не то волчьи. Отпечатки лап не просто наискось следовали по дороге, но и кружились на одном месте, словно пес или волк, пораженный чем-то, вдруг замер и какое-то время, переминаясь и поскуливая, находился в замешательстве.

– Ау! Есть здесь кто? Отзовитесь!

Туркина постучала в затемненное стекло. Никто не отозвался, хотя она стучала довольно громко.

– Наверное, ушли. Небось елки воруют или охотятся, – разочарованно решила она.

Пока Федор, прижавшись носом к стеклу, безуспешно пытался разглядеть что-нибудь внутри, Катя стала обходить машину с другой стороны.

Внезапно Макаров услышал ее визг. Визги, как известно, бывают различными и целиком зависят от вкладываемого в них смысла. Подробная классификация визгов заняла бы не один том, набранный убогим шрифтом. Бывают негромкие повизгивания вроде тех, которые издают девочки, когда смотрят ужастики или ухают вниз на стремительных парковых качелях. Бывают визги удивленные, визги восхищенные и визги притворные. Наконец бывают визги брезгливо-разъяренные, издаваемые человеком, которому бросили за шиворот, например, червяка.

Но этот визг был особенным. Душераздирающим. Визжать так мог лишь испытавший настоящий, непритворный ужас.

«Ну эта Туркина дает! Что она там увидела? Небось ерунду какую-нибудь. А вдруг и правда произошло что-то важное?»

Наступая себе на лыжи, Федор бросился к Кате. Туркина смотрела на переднее оплавленное стекло «Газели». Смотрела и не могла оторваться, хотя по лицу ее разливалась уже зеленоватая бледность.

– Там... там... – прохрипела она, зажимая ладонью рот.

Макаров взглянул туда же, куда и девочка, и оцепенел.

«Этого не может быть! Мне мерещится!» – было его первой мыслью.

Сквозь разбитое стекло он увидел двух мужчин. Их лица и одежда были покрыты тонким слоем льда. Впечатление было такое, будто внезапно, на несколько мгновений они подверглись воздействию температуры настолько низкой, что она в ту же секунду заковала их в лед. И все случилось так быстро, что они даже не успели испугаться.

Мужчина, сидевший на сиденье рядом с водителем, носил густую седую бороду и щеголеватые, поднятые вверх усы, уход за которыми, должно быть, отнимал у него немало времени. Теперь и усы, и борода покрыты были толстым слоем наледи. На его дутой зимней куртке с левой стороны сиял золоченый четырехугольничек:

«Проф. К. И. Слосей».

– Видишь, видишь? – срывающимся голосом спросила Катя.

– В-вижу!

– Что с ними? Почему они обледенели?

– Не... не знаю. Наверное, из-за того шара, который мы видели.

Федор вдруг вспомнил, что когда он сидел на дереве, то за несколько секунд до появления шара услышал шум двигателя, сразу оборвавшийся, когда шар завис над дорогой. Да, так оно и было. Точно. Теперь он абсолютно в этом уверился.

– Они мертвые? – уже спокойнее спросила Катя.

– Не знаю. Но что они не дышат, это железно. Попробуй-ка подыши через такую вот корку льда.

Пузиков перестал наконец разглядывать следы и, поднявшись, направился к ним, еле переставляя оба своих сугроба. Об ужасной находке внутри «Газели» он пока не знал.

– Чего вы там торчите? – завопил он, приближаясь. – Спорю на сто баксов, что они погнались за тем волком. Увидели его, остановились и за ним... Ну, на что уставились-то?

Задав этот вопрос, Борька скользнул взглядом по лобовому стеклу машины уфологов. Несколько мгновений спустя он уже, скорчившись, судорожно откашливался, а потом, чуть не падая, цепляясь палками, бросился в лес.

– Вы что, дура-аки, что ли? Я здесь не оста-анусь! Нет! – взвизгивал он.

– Удрал. Не вернется, – глядя ему вслед, сказал Макаров.

– Удрал. Кишка тонка, – повторила Катя.

Федор с удивлением взглянул на нее. Мда, уж она-то удирать не собирается, это точно. Это даже хорошо, что струсивший Пузиков смылся. Меньше народу – больше кислороду.

Федор подошел ближе. Передняя дверь со стороны пассажира была открыта. Очевидно, пассажир, заметив опасность, попытался выскочить, но не успел, забыв про ремни. А мгновение спустя он уже стал ледяной скульптурой.

Заледеневшие пальцы сжимали большую кожаную папку. На папке была та же эмблема общества уфологов, что и на дверце, и надпись: *«Совершенно секретно – разглашению не подлежит!»* Теперь эта папка была пуста. Все находившиеся в ней бумаги обратились в мелкий сероватый пепел, рассыпавшийся, едва Макаров нерешительно к нему прикоснулся.

У начищенного до блеска ботинка с модным квадратным носком лежал компьютерный диск, видимо, выскользнувший из папки за несколько секунд до того, как все ее содержимое неведомым образом обратилось в пепел.

Лишь эта случайность спасла диск от уничтожения. Подняв глаза, Федор взглянул на повернутое к нему искаженное лицо водителя, и словно каменная рука сжала его желудок.

«Огненный шар-убийца. Что это за шар? Чем помешали ему люди в „Газели“? Неужели только тем, что оказались в неподходящее время в неподходящем месте, или были какие-то иные, неизвестные пока причины?»

Внезапно порыв ветра донес приближающееся завывание сирены. С каждой секундой сирена становилась все громче и настойчивее. Катя вскинула голову.

– Федь, ты слышишь? Что это?

– А ты будто не знаешь? Милиция.

– А кто ее вызвал?

– А я откуда знаю? Уж точно не я, можешь в этом не сомневаться.

Вслушиваясь в звуки сирены, Макаров с подозрением почесал нос.

– Уж очень быстро они притащились. За это время из города не доедешь.

– Будем их ждать? – с надеждой спросила Катя.

Она обожала смотреть милицейские сериалы и читать детективы. Причем, как бы автор или сценарист фильма ни мудрил и ни путал следы, Туркиной удавалось буквально с десятой

страницы или с десятой минуты, если это было кино, вычислить убийцу. «Тьфу ты! С тобой смотреть неинтересно! Ты просто какая-то мисс Марпл!» – сердилась бабушка.

Вот и теперь, слушая завывание сирен, Катя вдруг подумала, как было бы отлично, если бы ей самой удалось принять участие в настоящем следствии. Но ее одноклассник придерживался прямо противоположного мнения.

– Ждать? Ты с ума сошла, Туркина? – всполошился Макаров. – Не знаешь, какая у нас милиция? Решат еще, что это мы прикончили этих чуваков.

– Как прикончили? – озадачилась Катя.

Такое предположение отчего-то не приходило ей на ум.

– А я откуда знаю, как, – огрызнулся Федор. – Как-нибудь. Ментам бы только кого-нибудь схватить, а потом доказывать, что ты не белый медведь. Сматываемся!

Схватив вяло упирающуюся «мисс Марпл» за руку, он потянул ее в лес. Но прежде чем убежать, сам толком не зная зачем, Федор вернулся и, схватив диск, сунул его в глубокий карман куртки.

Позднее он не раз задумывался, что именно заставило его так поступить, но так и не смог ответить на этот вопрос.

Любопытство? Интуиция? Предчувствие? Или было что-то другое?

Нырнув в лес, они пробежали немного по замерзшему ручью и укрылись в буреломе за вывороченными корнями старой ели. От дороги их отделяла лишь узкая полоска леса с красноватыми редкими ветками кустарника, торчавшими из-под снега.

Глава II. НА ВОЛОСКЕ

222 год до н. э.

«Когда Гней Домиций и Гай Фанний были консулами, в небе появились сразу три луны».

Плиний. Естественная история. Кн. II. Гл. 23.

218 год до н. э.

«В области Амитерно много раз появлялись неизвестные люди в белых одеяниях. В Прэнесте – пылающие лампы с небес. В Арпи – щит в небе...»

Луны боролись с солнцем, и среди ночи появились две луны. В небе видны были прозрачные корабли».

Ливий. История. Кн. 21. Гл. 61 и кн. 22. Гл. 1.

Едва Федор и Катя скользнули в чашу, как из-за поворота дороги, тревожа морозную тишину воем сирен, выскочили сразу две милицейские машины, похожие на жуков с синей полосой на боку и длинными усами-антеннами. Не доехав до «Газели» нескольких десятков метров, машины затормозили. При этом одну из машин занесло и развернуло на гололеде.

Дверцы разом распахнулись, и из них, пригибаясь, высыпали люди с оружием. Федор насчитал восемь человек, из которых в форме было пятеро, остальные в штатском. По какой-то загадочной причине милиционеры не спешили подходить к «Газели», а держались в отдалении, о чем-то совещаясь. Один из мужчин в штатском держал рацию, что-то докладывая в нее.

– Ты их видишь? – прошептала Катя.

Федор хмыкнул:

– Что я, слепой, что ли? Вижу, конечно.

– А они нас видят?

– Триста раз видят! Если бы видели, ты бы об этом уже узнала. Да не поднимай ты голову, Туркина! Не высовывайся!

– Мне холодно. Снег за шиворот забивается! У меня там уже все мокро.

– Закаляйся! И отстегни лыжи, они у тебя торчат.

– Зачем я буду их отстегивать? – возразила Катя. – Лучше пойдем отсюда!

– Рискованно, – замотал головой ее одноклассник. – Они услышат скрип снега, и потом у нас куртки яркие: за деревьями будет заметно. Лучше давай останемся и посмотрим.

– «Посмотрим!» – передразнила Катя. – Тебе легко говорить, ты за пнем лежишь. Вот если бы ты...

Внезапно Туркина замолчала и, больше не протестуя, пугливо нырнула в сугроб. Послышался рев мощного двигателя, и на дороге показался еще один автомобиль – черный и широкий, с двумя зажженными галогенными фарами.

– «Тойота-Лендкрузер». Мощная машина, – прошептал Федор Макаров.

– Откуда ты знаешь?

– Я все модели внедорожников знаю. Джип «Чероки», «Мицубиси-Паджеро», «Шевроле-Блейзер», «Мерседес» с полным приводом, новый «УАЗ», ну и так далее. Я даже знаю, чья это «Тойота».

Туркина повернулась к нему:

– Ну и чья?

– Гололупа.

– Какого Голопуца?

– Начальника нашей городской милиции. Здоровенный такой мужик, с усами. На моржа похож. Недавно еще подполковником был, а теперь раз – полковник.

Макаров не ошибся. Из внедорожника вышел приземистый коротконогий мужчина с вислыми усами. После недолгих переговоров с ожидавшими его милиционерами Голопуц и один мужчина в штатском направились к «Газели». Остальные остались на месте.

«Сейчас они увидят уфологов. Через десять-двадцать шагов. Ну и не повезло же нам! Угораздило впутаться в такую историю!» – с досадой подумал Федор.

Под ногами у быстро идущих мужчин чавкал мокрый снег. Федор и Катя затаились, боясь пошевелиться. Голопуц со спутником прошли совсем близко, самое большее в десятке метров. С этого расстояния можно было уловить даже исходивший от них запах табака. До ребят долетали обрывки реплик, которыми они обменивались.

«Не понимаю, зачем нужно было доводить... Мы могли бы решить это и сами. Два каких-то столичных...» – донесся хриплый голос Голопуца.

«...нам сообщили, только когда все уже было...» – перебил его другой голос.

«Проследишь, чтобы все...»

Что ответил толстяк в штатском, разобрать было нельзя, а потом снова раздался голос Голопуца:

«Ты сам знаешь, что нужно будет сделать, если...»

Чавканье снега отдалилось. Осторожно выглянув из своего укрытия, Федор увидел, что начальник милиции и его спутник подошли к «Газели» и остановились перед ее лобовым стеклом.

– Что он делает, ты видишь? – зашептала Туркина, досадуя, что деревья закрывают ей обзор.

– Сплюнул. Сказал что-то толстяку. Убрал пистолет в кобуру, – прокомментировал Федор.

– А толстяк?

– Толстяк ничего. Сунул руки в карманы. Разглядывает оплавленные дырки в стекле. Не похоже, что он очень удивлен. Смотрит вверх.

– Чего ты замолчал? А теперь?

– Голопуц подошел к дверце, открыл ее и роется внутри. Похоже, что что-то ищет.

– Что ищет?

– А я откуда знаю? – возмутился Федор. – Мне только спину его видно... Позвал толстяка, тот открыл другую дверцу и тоже ищет. Теперь полез внутрь, роется в салоне.

– А разве они не должны были все сфотографировать? Я считала, на месте преступления все фотографируют и ничего не трогают, пока не приедет следственная бригада, – озадачилась Туркина.

За свою жизнь она просмотрела столько сериалов, что вполне могла подсказывать милиционерам, что им делать. Но эти милиционеры поступали совсем иначе, чем было принято.

– Действительно странно. Подозрительно. Ведут себя так, будто совсем не удивлены, – согласился Федор.

Внезапно он подался вперед. В просвете между деревьями ему хорошо был виден начальник милиции, вылезший из «Газели». В руках у Голопуца была кожаная папка. Вытряхнув из нее пепел, он растоптал его ногами и вновь скрылся в машине. Двигался он как человек, ищущий нечто вполне определенное и потому не тратящий времени на рассматривание всего остального.

Некоторое время спустя из машины, разводя руками, выглянул толстяк в штатском. Похоже было, что и ему не удалось ничего обнаружить.

Голопуп и толстяк начали гневно переговариваться, раздраженно жестикулируя и то и дело оглядываясь на лес. Их слова не были слышны, но мальчик готов был поклясться, что они спорят.

– Что они делают? Злятся? – проницательно спросила Туркина.

– Угу! Буквально кипят! Похоже, мы правильно сделали, что смылись, – пробурчал Федор.

Его рука сама собой скользнула в карман и нашарила пластиковую коробочку с диском. Не она ли служила предметом столь напряженных поисков? Может, гораздо разумнее было оставить ее на прежнем месте? Вдруг на диске записано что-то действительно важное, имеющее государственное значение? Макаров уже начинал жалеть, что не удержался и захватил диск. Впрочем, теперь было поздно возвращать его. Ничего, кроме новых неприятностей, это принести не могло.

Внезапно Голопуп перестал жестикулировать и уставился на снег. А через несколько секунд он и толстяк, присев на корточки, внимательно разглядывали что-то на подтаявшей дороге.

– Кажется, они что-то нашли! – прошептал Макаров.

– Что они могли найти? Федор, ты там ничего своего не потерял? – озабоченно спросила Туркина.

– А ты? Я ничего не терял! – упрямо заявил Федор, но, уже произнося это, ощутил, как внезапно выступивший холодный пот перемешивается у него на лбу с каплями растаявшего снега.

Почти одновременно Катя со стоном надвинула шапку себе на лоб.

– О... нет! Наши лыжи! На снегу осталась наша лыжня! Надо же быть такими болванами!

Теперь Макаров не спорил, выискивая различия между «болваном» и «идиотом». Точно, болваны – другого слова не подберешь. На языке завертелось даже кое-что похлеще, особенно когда Голопуп и толстяк в штатском уверенно отследили их лыжню до самой дверцы «Газели», а затем, идя вдоль лыжни, направились к тому месту, где лыжня входила в лес. Федор даже не заметил, в какой именно момент в их руках появились пистолеты.

– Скорее, Туркина! Уносим ноги!

Спотыкаясь и цепляя лыжами за корни, они бросились прочь, пользуясь тем, что лыжи позволяли им передвигаться быстрее, чем их преследователи.

– Зачем мы бежим? – пропыхтела, оборачиваясь, Катя. – Ведь если мы бежим, выходит, мы виноваты? Может, нам остановиться и все объяснить? Хотя они скажут: «Зачем прятались, почему сразу не подошли?»

– Ага, скажут они тебе! Догонят и еще раз скажут! – недоверчиво фыркнул Федор. – Разве с такого расстояния они разглядят, что нам четырнадцать? Еще, чего доброго, пристрелят или: «Руки за голову! Лицом вниз!»

– Я не согласна лицом в снег, я уже належалась... Ой, я уронила палку!

– Не останавливайся, я подберу! Да не останавливайся же ты, Туркина!

Теперь Макаров уже не беспокоился, что их яркие куртки будут видны с дороги, даже не вспоминал об этом. Выбирать не приходилось. Всего какая-то сотня метров отделяла их от Голопупа и толстяка. Еще немного, и деревья уже не скроют их.

Начальник милиции и его спутник, утопая по колено в мокром снегу, спешили вдоль лыжни. Толстяк на бегу что-то кричал в рацию. С дороги вновь послышался вой сирен, угрожая, захрипел и сразу осекся громкоговоритель. По лесу оглушительно раскатился одиночный выстрел: у кого-то из милиционеров дрогнул на курке палец.

Катя втянула голову в плечи. Ей почудилось, что пуля просвистела над ее ухом. Девочка как-то сразу вдруг все поняла. Нет, это были уже не шутки, не игра в мисс Марпл. Теперь все происходило всерьез. Их выслеживали и ловили как взрослых, без скидок на возраст.

Лыжа глубоко ушла под снег, выворачивая ступню с ботинком. Девочка неуклюже балансировала, стараясь удержаться.

– Федя! Лыжа!

– Не паникуй! Держись ближе к краю, здесь скользит! – деловито велел Макаров.

Насупленный и серьезный, он отталкивался своими двумя палками, держа под мышкой третью, Катину. Внезапно он резко остановился, и Туркина едва не налетела на него.

– Что?

– Стоп! – вдруг зашептал он. – Дальше нельзя!

– Почему?

– Провалимся! Поднимаемся наверх! Да поднимайся же боком, вот растяпа! Руку давай!

Выбравшись из замерзшего русла ручья, которого они держались до сих пор, подростки увидели сразу три лыжни, сходящиеся на склоне небольшого холма. Федор почти сразу узнал это место: через этот «лыжный перекресток» проходили все их школьные кроссы.

– Давай по крайней! – скомандовал он, выбрав самую укатанную лыжню. По его расчетам, она вела к шоссе, где обычно их дожидался школьный автобус.

– Погоди, так будет заметно! Надо запутать следы!

Катя быстро истоптала заезд на все три лыжни, так что теперь даже служебная собака взвыла бы, пытаясь разобраться, какой из путей они выбрали. Федор пораженно наблюдал за девчонкой. Он едва узнавал ее: и куда подевалось нытье и жалобы на промоченные ноги? Перед ним был словно другой человек, твердый, деловитый и решительный.

«М-да... Эта Туркина словно специально создана для передраг!»

– Вот теперь другое дело. Отдай мою палку и почесали! – сказала наконец Катя, с удовлетворением озирая дело лыж своих.

Встав на лыжню, они понеслись к шоссе.

Им повезло еще раз. Едва они вышли на асфальтовую дорогу, как рядом, грохоча и лязгая всеми сочленениями, остановился заводской автобус. Он был такой старый, что всякий, кто его видел, невольно ожидал, что автобус вот-вот развалится у него на глазах.

Водитель, молодой парень, махнул им рукой, приглашая садиться.

– Вам до города? Садись, ребята, подвезу!

Отстегнув лыжи, Макаров и Туркина забрались в автобус. Садясь, Федор опасливо оглянулся на лес: в чаще все было как будто тихо, лишь издали доносилось завывание милицейской сирены.

Автобус покачнулся, загрохотал от колес до крыши и тронулся.

– Ну что, накатались? – спросил водитель, поворачиваясь к ним.

Все лицо у него было покрыто крупными веселыми веснушками, придававшими ему необычайно легкомысленный вид.

– Ага, свежий воздух и все такое прочее, – подтвердил Федор.

Парень расплылся в улыбке, от которой все веснушки его, казалось, столкнулись и слились в одну.

– Завидую! А я еле проехал. На шоссе кордон ГИБДД, весь транспорт проверяют. Кажись, ловят кого-то. Вы-то никого не встречали?

Катя с Федором озабоченно переглянулись.

– Никого, – сказала Туркина. – Мы тут с краю катались.

Федору почудилось, что ее голос звучит неестественно, но парень не обратил на это внимания. Он смотрел на дорогу и ловко вел свой дребезжащий железный ящик по ухабам.

– Я так думаю, что из колонии кто-то сбежал. Вечно, как кто сбежит, они пикеты расставляют. Ни пройти, ни проехать... Я же говорил, вон еще пикет! Сколько можно!

Словоохотливый водитель притормозил у перегораживающей дорогу милицейской машины.

Широколицый раскормленный сержант показал полосатым жезлом на обочину и враскачку направился к двери.

– Достали меня эти проверки! – проворчал парень, потянувшись к переключателю.

Федор почувствовал, что Катя стискивает его ладонь своей ладонью, и ободряюще погладил девушку по ладони большим пальцем.

Автобусная дверь, лязгнув, открылась. Широколицый сержант заглянул в салон и без особого интереса воззрился на ребят.

– Больше пассажиров нет? – спросил он.

– Нет.

– А это кто такие? – спросил он.

– Школьники, – сказал водитель.

Демонстративно зевнув, Катя сунула себе в рот розовую пластинку жвачки.

– Хотите жвачку? – дерзко предложила она милиционеру.

– На работе не употребляю. Проезжай! – ухмыльнулся патрульный и, еще раз взглянув на них, вышел.

Только когда автобус тронулся, Туркина разжала руку. На запястье у Федора остались розовые следы ее пальцев.

Катя замотала головой:

– Брр! Ущипни меня! Наверное, я спятила. Вспышка в лесу, трупы в машине, милиция – и мы в центре всех событий.

– Э-э... Я должен кое в чем признаться. Похоже, это все из-за диска, – сказал Макаров.

Они стояли на пустой остановке и смотрели вслед удаляющемуся автобусу. Катя пытливо посмотрела на одноклассника.

– Из-за диска? Из-за какого диска? Колись, Макаров, что ты скрываешь, или я задушу тебя своими руками! – потребовала она.

Федор огляделся и, сунув руку в карман, достал плоскую коробочку. Поддев ногтем, он открыл ее. Блеснула золотая поверхность компьютерного диска.

– И ты мне только сейчас об этом говоришь? – возмутилась Катя. – Я видела, ты подобрал что-то в машине. Так это оно и есть? Больше ты ничего не брал?

– Больше ничего. Может, нам его вернуть? Подбросим анонимно в милицию, – нерешительно предложил Федор.

Внезапно Катя рассмеялась:

– Ну ты и тюфяк! Типа чистосердечное признание смягчает вину, но увеличивает наказание? Вот уж не ожидала, что ты так быстро опустишь лапки. И когда? На самом интересном месте!

– Я и не собираюсь опускать лапки! – возмутился Макаров, оскорбленный несправедливостью такого предположения. – Я просто подумал, что если на диске записано что-то действительно важное, то...

Туркина задорно прищурилась:

– Посмотрите-ка на него, какой мыслитель! Вначале слямзил, а потом, видите ли, подумал! Зачем тогда в карман было совать, а?

Макаров виновато набычился и забормотал что-то невнятное.

– У тебя ведь есть компьютер? Я слышала, ты неплохо в них рубишь, – разглядывая диск, перебила его Катя.

В глазах ее, цвет которых Федор давно определил для себя как серо-зеленый, зажглось нечто эдакое, азартное.

– Я неплохо рублю в железе, с остальным у меня не особо, – честно сказал Федор.

– В каком железе? – не поняла Туркина.

– Ну там, память, видеокарты, корпуса, дисководы, разъемы, мамы-папы всякие. Короче, голый процессор без программки и без монитора, – объяснил Макаров.

– Но диск-то мы сможем у тебя считать?

– Не-а, не сможем. У меня теперь компьютер без CD-ROMа. Я пробовал его слегка перебрать, а он возьми и накройся, – вздохнул Федор.

Катя расхохоталась:

– Эх ты, сапожник без сапог! Так и быть, пошли ко мне. Твое счастье, что я ничего не рублю в железе и у меня CD-ROM в порядке... И носи мои лыжи! Это будет мужской поступок! – уверенно заявила Туркина.

Она взяла из рук Федора диск и вручила взамен свою лыжную амуницию.

– Да уж, давно мечтал заработать себе грыжу, – пробурчал Макаров, взваливая на плечо сразу четыре лыжи и четыре палки.

– Родина тебя не забудет, – заверила его Туркина и, не дожидаясь своего кряхтящего спутника, быстро пошла вперед, уверенно срезая дворами и один раз даже перемахнув через бетонный заборчик детской поликлиники.

Сердито сопя, Федор перебросил лыжи и тоже полез через забор. Уже оказавшись с той стороны, он обнаружил совсем рядом, метрах в десяти, открытую калитку.

– Не сердись, медвежонок! Наколка – друг чекиста. Мне хотелось посмотреть, как ты будешь лезть с лыжами, – извиняющимся голосом сказала Катя.

Кажется, она веселилась вовсю.

– Ничего себе шуточки. За такие шутки ноги отрывают, – проворчал Федор, наклоняясь за лыжами.

– Утешься, Макаров, мы уже почти пришли. Видишь тот белый с рыжими подтеками дом? В нем я обитаю.

Дверь им открыла высокая женщина с подвижным лицом и завитыми рыжими волосами. Сперва она сердито было уставилась на Туркину, но потом, не выдержав характера, засмеялась. «Должно быть, мать», – решил Федор.

– Ого! Юные водолазы пожаловали! Что может быть полезнее для здоровья, чем лыжный кросс в середине марта? Солнышко – хи-хи! – блеснит. Травка – ха-ха! – уже почти зеленеет! А они, ханурики, – хо-хо! – бредут на лыжах! Отдала бы неделю жизни, чтобы поприсутствовать при этом зрелище!

– Поставь, пожалуйста, чайник! От нас остались только мерзлые носы! – попросила Катя.

– Мерзлый нос – это уже немало. Есть база для восстановления. Другими словами печка, от которой танцевать, – немедленно отозвалась острая на язык родственница.

Не дослушав, Туркина решительно продвинулась в квартиру и за рукав протащила за собой Федора.

– Ого, Катерина, да ты с пажом! Или я ошибаюсь и это подставка для лыж и прочих негабаритных предметов? – заколыхалась родственница, разглядев Федора.

Макарову почудилось, что он когда-то прежде ее видел, но только не мог вспомнить где.

– Ах да! Вам физкультурник из школы звонил, интересовался: добрались вы или нет. Очень милый мужчина, и голос такой представительный. Он молодой? – родственница продолжала бесцеремонно разглядывать Федора.

Макаров, держа в руках лыжи, напрягся. Скверно, что в школе их хватились. Только бы у них не достало ума позвонить в милицию! Узнав о двух пропавших в лесу подростках, там быстро сведут концы с концами, и тогда – хлоп! – они в ловушке!

– Физкультурник? Он просто свинья! – с досадой сказала Катя, вспоминая круглую физиономию Андрея Тихоныча. – Бросил нас в лесу, а сам трезвонит.

– Свинья – это еще не самое страшное. Свинью можно перевоспитать. Мне лично удалось это трижды. Однако впоследствии все они стремительно развоспитывались, – сказала родственница.

– И что ты ему сказала? – спросила Катя.

– Тихонычу?

– Ага, ему.

– Сказала, что вы добрались. Оба. Он очень обрадовался. Долго извинялся, что они вас не дождались, – пояснила родственница.

Туркина удивленно уставилась на нее.

– Как? Ты сказала, что мы добрались? Но откуда ты знала?

– О!

Рыжеволосая театрально положила себе руку на сердце и закатила глаза.

– Здесь, в этой трепетной и нежной груди, обитает интуиция, которая никогда меня не подводила! Если бы с тобой что-то случилось, сердце бы мне подсказало! От него не скроешь даже самой малости, даже легкой угрозы. Сейчас же интуиция подсказывала, что ты просто слегка заплутала. Когда же физкультурник уточнил, что с тобой еще и... э-э... молодой человек, я окончательно успокоилась. Пока, молодежь, я ставлю чайник!.. «Шумел камыш, деревья гнулись, и ночь темная была...»

Благосклонно кивнув, странная родственница уплыла на кухню. Не теряя времени, восьмиклассники скользнули в комнату.

– Это кто? Твоя мама? – спросил Федор.

– Мама? – фыркнула Катя. – Не видел ты мою маму!

– А тогда кто?

– Бабушка. Я, вообще-то, думала, что она на репетиции.

– Бабушка? – удивленно переспросил Федор, не ожидавший, что туркинская бабушка выглядит так молодо. – А что она на репетиции-то делает?

– Как что? Она артистка ТЮЗа. Ну знаешь, в центре на площади.

Федор хлопнул себя по лбу. Кроссворд памяти сошелся.

– Погоди-ка, так это она играла Снежную Королеву? – воскликнул он.

– Ага. Бабушке вечно достаются отрицательные роли. То она ведьма, то мачеха, то вообще Кикимора какая-то. А она так мечтает сыграть Белоснежку!

– Ну и бабушка у тебя! С ней не соскучишься! – признал Макаров.

– У меня со всеми не соскучишься. Одна мама чего стоит! – с гордостью за свое взбалмошное семейство сказала Туркина.

Улыбнувшись, она добавила:

– Помнишь, что я рассказывала про свою бабушку, когда училась в первом классе?

– Не-а, – замотал головой Макаров.

– Я говорила всем, что она у меня чемпион по карате, и если кто-нибудь будет меня обижать, то берегись. Это бабушка меня так научила говорить.

– И она у тебя, правда, того... – удивился Федор.

– Что того?

– Ну, чемпион?

Изумленно взглянув на него, Туркина постучала себя пальцем по лбу.

– Наколка – друг чекиста, – сказала она.

– А-а, – протянул Федор, признавая, что ляпнул глупость.

Честно говоря, про бабушку Туркиной он готов был чему угодно поверить: уж больно она была необычной.

Сопоставив ее бабушку со своей, Федор озадаченно почесал щеку. Что-то тут не сходилось.

– Сколько лет твоей бабушке?

– Бестактный вопрос! Каждый, кто его задает, достоин того, чтобы его пристрелили на месте. Ваше счастье, юноша, что мое ружье в починке, – раздался из коридора хорошо поставленный голос.

Макаров вздрогнул и опасливо оглянулся на дверь.

– Она что, подслушивает? – пробормотал он себе под нос.

– Ничего подобного! Я просто пробежала по своим делам! – заверила его бабушка.

Одновременно послышалось удаляющееся шарканье тапочек, и легкомысленный голос затянул: «И за борт ее бросает в набежавшую волну!»

Туркина засмеялась:

– У бабушки великолепный слух! Она никогда не учит ролей, потому что слышит даже суфлерский шепот.

Вспомнив о диске, Катя подошла к столу. Федор увидел на нем плоский полупрофессиональный монитор и клавиатуру. Проследив, куда тянутся шнуры, он обнаружил, что процессор стоит рядом на полу.

«Ишь ты, как вышла из положения!» – подумал он.

Включив компьютер, девочка бережно достала диск и вставила его в CD-ROM. Компьютер негромко загудел, производя тот звук, которым обычно сопровождается считывание.

– Подвинься, мне ничего не видно.

– Куда я подвинусь? – буркнула Катя. – Ладно, садись рядом.

Федор склонился к плечу девочки. Четыре глаза напряженно вперились в монитор.

Глава III. ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ МЕДАЛЬОН

175 год до н. э.

«Три солнца сияли одновременно. Ночью несколько звезд пересекали небо над Ланувиумом».

Обсэквенс. Гл. 145.

66 год до н. э.

«В консульстве Гнея Октавия и Гая Светония была замечена падающая со звезды искра. При падении она возростала в размерах и, достигнув величины луны, рассеялась во что-то вроде светлого облака, а затем, превратившись в факел, вернулась на небо. Это единственная запись о подобном явлении. Оно наблюдалось консулом Силеном и его свитой...»

Плиний. Кн. 2. Гл. 35.

Вначале на экране появилась уже известная заставка «Общества по изучению тайн и загадок Вселенной», а затем чуть ниже заставки вспыхнул зеленый ярлычок с мигающим в нем курсором. Над ярлычком значилось:

«КОНТАКТЫ С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ. АРХ. 1—3. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. РАЗГЛАШЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ. ДЛЯ ВХОДА ВВЕДИТЕ КОД ДОПУСКА (16 знаков)».

Туркина ошарашенно взглянула на Федора. На щеках у нее зажглись два красных круглых пятна, говоривших о крайнем волнении. Макаров и сам был поражен. Ему казалось, они стоят на пороге неизведанного, запредельного, такого, чему нет и названия.

– Ты читал? «Контакты с внеземными цивилизациями»! – воскликнула Катя.

– С инопланетянами, что ли?

– Ты веришь в инопланетян?

Федор вытянул губы трубочкой и неопределенно свистнул. Впрочем, свист его звучал как-то неуверенно. Еще недавно он считал существование инопланетян бредом, но после того случая в лесу, когда они видели шар, он уже ни в чем не был убежден.

– Более-менее, – сказал он неопределенно.

– Что более-менее? Так ты веришь или не веришь?

– Да ну их! Скорее не верю, чем верю. Что я буду во всякую чушь верить?

– Эх ты, Фома неверующий! А я всегда знала, что они есть! Теперь-то я понимаю, что это был за шар! Я это давно подозревала.

– Пряма-таки подозревала? – усомнился Федор.

– Ну не то чтобы подозревала, но с самого начала у меня мелькнула такая мысль, – поправилась Катя. – Потом я, правда, вообще не думала, потому что о чем я могла думать, когда мы сматывались?

Катя потянулась было к клавиатуре, но, пошевелив пальцами, нерешительно опустила руку.

– Погоди. Код допуска – это что? – спросила она у Федора.

– Пароль, – не задумываясь, ответил Макаров.

Уж в чем, в чем, а в компьютерах он соображал лучше Туркиной. И вообще многим мог дать фору.

– Пароль? Но мы же его не знаем!

– Разумеется, не знаем. Откуда мы можем его знать? – терпеливо сказал Федор, размышляя о тяжелой необходимости разьяснять очевидные вещи чайникам.

– А подобрать его нельзя?

Ее одноклассник с сомнением почесал нос.

– Шестнадцатизначный пароль подобрать? Ты соображаешь, сколько тут возможных комбинаций? Жизни не хватит, чтобы все перебрать. Тут с кодовым замком на подъезде, где всего три кнопки, столько времени пробыешься, а шестнадцать цифр – это ого-го!

– И что же нам делать?

Поняв, что в его совете нуждаются, Макаров торжествующе фыркнул. Наконец-то у него появилась возможность отыгаться за тот последний час, когда с ним не очень-то считались. Как там сказала ее бабушка: «Подставка для лыж и прочих негабаритных предметов»? Он им покажет подставку!

– Что делать? Отдыхать. Можно манную кашку покушать, по желанию, – язвительно сказал он и, наклонившись над клавиатурой, стал что-то быстро набирать.

Катя подвинулась, уступая ему побольше места.

– Что это ты затеял? – полюбопытствовала она, подозрительно наблюдая за его бегающими по клавиатуре пальцами.

В голосе у нее, однако, при этом было нечто вроде легкого уважения, которое испытывает почти всякая женщина, когда мужчина подходит к технике.

– Ввожу белиберду. Иногда с компьютерными играми такое проходит, особенно если они уже взломаны, – буркнул Федор.

Закончив печатать, он нажал на «Ввод».

Компьютер мигнул, и на экране появилась надпись:

«ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ РАЗ. ВАШ КОД ДОПУСКА НЕВЕРЕН. В СЛУЧАЕ ЕЩЕ ОДНОГО НЕВЕРНОГО ВВОДА ФАЙЛЫ НА ДИСКЕ БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ».

– У-у! – завыл Федор.

Ему захотелось стукнуться в монитор компьютера лбом, как стучат в закрытые двери.

– Что? Как? Сработало? – зачем-то спросила Катя.

Макаров безнадежно покосился на нее и, достав компьютерный диск, вернул его в коробку.

– Полный облом. Еще одна ошибка, и все вообще сотрется, – пробурчал он.

– Но ты же сказал, что иногда проходит...

– С играми иногда проходит, но это-то не игра. Если бы секретную информацию мог получить каждый чайник вроде нас, какой бы в ней был толк?

– А я думала, ты рубишь в компьютерах... – разочарованно протянула Туркина.

Губы у нее надулись, как у младшеклассницы, которой на школьном утреннике не досталось подарка.

– В чем рублю? В подбории паролей? Я такого не говорил. Это все наглый поклев на мою персону, – защищаясь, пробормотал Макаров.

«Только девчонка может не понимать, что одно дело расширить память или переустановить новую видеокарту и совсем другое – взломать защищенный серьезным паролем диск», – подумал он. Федор знал, что ничего не сможет поделать с этими шестнадцатью знаками, и потому ощущал себя виноватым.

– А ты как хотела, Туркина? Эта информация настолько секретна, что из-за нее уже заморозилось два человека и, между прочим, едва не погиб третий. И тоже от того же луча.

– А третий кто? – все еще разочарованно спросила Катя.

– Ты его знаешь. Вот этот милый молодой человек с греческим профилем, – Федор ткнул себя пальцем в грудь. «Оказывается, можно гордиться даже тем, что тебя едва не прибили», – удивленно подумал он.

Катя бросила скептический взгляд на его профиль.

– Если он у тебя и греческий, то самых картофельных очертаний, – заметила она.

Услышав такой отзыв о своей внешности, Макаров хмыкнул и покрутил в руках диск. Он испытывал чувство, подобное тому, какое испытывает заточенный в клетку человек, который видит висящий на стене ключ, но никак не может до него дотянуться. Всего шестнадцать знаков, но как, как узнать их?

– Ну так что, Туркина, возвращаем диск милиции? Нам-то от него все равно никакого толку. Подбросим его с запиской и смотаемся, – предложил он.

Катя вздохнула:

– Ладно. Уж там-то они точно разберутся. Бр-р! Никак не могу забыть лиц тех замороженных. Боюсь, они и ночью будут мне сниться.

– Не ожидал от инопланетян такого свинства. Я представлял их милыми симпатягами.

– С антеннками на макушке и в скафандриках? – осведомилась Туркина.

– Примерно.

В коридоре зашаркали тапочки, и, напевая «зачем, зачем я повстречала тебя на жизненном пути?», в комнату вошла бабушка, она же экс-Снежная Королева. Перед собой она держала поднос, а на подносе были намазанный вареньем хлеб и горячий чай.

– Ну что, братья-славяне, вдарите по чайку? – начала она.

Внезапно Туркина, к чему-то напряженно прислушивающаяся, вскочила и с изменившимся лицом метнулась к дверям. Вместе с бабушкой из коридора проник навязчивый звук громко работающего телевизора.

– Скорее! – крикнула она Федору. – Иди!

Макаров метнулся в соседнюю комнату следом за ней и, едва увидев на экране снятый с вертолета ельник, все понял.

О боже! Нет, только не это!

Под гул вертолетного винта камера скользила по ельнику. Внизу извилистыми полосами тянулись белые аллеи и просеки Дементьевского леса. Федор невольно всматривался, опасаясь, что где-нибудь между деревьями мелькнет он сам, а рядом с ним и Катя. Но нет, едва ли это была сегодняшняя съемка. Тогда бы они тоже увидели вертолет. Скорее всего, телевидение использовало одну из старых записей.

Вертолетный гул стих, и, накладываясь на изображение, зазвучал мерный дикторский голос:

«Внимание! Мы прерываем нашу передачу для экстренного сообщения. Сегодня около тринадцати часов на одной из дорог Дементьевского леса вблизи поселка Коробышево произошла серьезная авария. Потеряв управление, машина марки «Газель» врезалась в столб линии электропередачи. Провод высокого напряжения упал на кузов «Газели», вследствие чего водитель и его пассажир погибли.

Милицией области разыскиваются двое лыжников, в момент аварии находившихся в непосредственной близости от места происшествия. Есть подозрение, что они намеренно устроили аварию и похитили из машины крупную сумму денег.

В настоящее время в городе проводится операция «Перехват». Задействован весь личный состав областной милиции. Отменены отпуска и увольнительные. Проверяются все автомашины, составляется фоторобот подозреваемых. За любую информацию, которая поможет пролить свет на это происшествие, будет выплачено вознаграждение.

Начальник милиции области полковник Голопуп сделал по этому поводу заявление».

Катя пораженно повернулась к Федору:

– Ты слышал? Ищут только двоих: тебя и меня!

– Угу! – подтвердил тот. – А ведь был еще Пузиков. Но, видимо, его лыжню приняли за старую. И потом, он же не приближался к машине.

– Почему не приближался? Приближался. Он тоже видел замороженных.

– Метров с пяти, не меньше.

– А потом он сразу кинулся в лес, так что со стороны похоже было, что он вообще не останавливался, – деловито предположила Туркина.

– Мне кажется, они про Пузикова знают, только скрывают это зачем-то, – сказал Федор.

Телевизионный экран моргнул, и на нем появилось широкое, в оспинах лицо Голопуца. Полковник хмуро смотрел в камеру. Его голос звучал низко, глухо, как из бочки:

– Я обращаюсь к замешанным в этом преступлении. На ваше задержание брошены все силы милиции и ФСБ области. На месте работает следственная бригада, которой удалось собрать ряд вещественных доказательств, ограничивающий круг подозреваемых. Предлагаю вам немедленно отдаться в руки правосудия и вернуть похищенное. Обещаю, это значительно облегчит ваше наказание. В противном случае мы сделаем с вами то же, что сделали с...

Внезапно лицо полковника скривилось, как от сильной боли, и, покачнувшись, он сдал руки виски. Камера растерянно дрогнула в руках у оператора. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем снимавший опомнился и дал панораму леса.

– Ты видел? Что с ним? Почему он схватился за голову? – крикнула Катя.

– А я почему знаю? – буркнул Федор. – Заврался потому что, вот у него башка и затрещала... Ты слышала, Туркина, что за чушь они несут? Якобы мы подстроили аварию и украли какие-то деньги! При чем тут авария? Ты видела хоть один электрический столб? Там на полкилометра никакого электричества и в помине нет! Тогда почему они утверждают, что столб был? Все это очень подозрительно. Не сходятся концы с концами.

– Это же ложь, ложь! – горячо воскликнула Катя. – Надо объяснить! Доказать, что мы тут ни при чем!

– Ага, докажешь ты им, что ты не валенок! Они и сами все знают, только возводят на нас клевету. Ждут, пока мы возмутимся и явимся им объяснять, а сами нас – цап и за семь замков! Ну уж фигушки, не получают они теперь своего диска! Врать надо меньше! – Макаров упрямо прищурился.

Недоверчивое отношение к милиции поселилось в нем года два назад, когда один из его приятелей разбил снежком стекло в доме на третьем этаже. Приятель убежал, а Федор замешкался.

Высочивший хозяин квартиры схватил его и, не слушая объяснений, сдал в милицию. В милиции на Макарова, долго не разбираясь, свалили чуть ли не половину разбитых стекол района, а заодно подожженную телефонную будку и расколотый камнем фонарь. Короче, неприятность была страшнейшая. Федора поставили на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних, а родителей заставили платить за стекло. К чести Федора нужно добавить, что, несмотря ни на что, он не выдал бросившего снежок приятеля, что главным образом и разозлило инспекторов.

– Тебе не кажется, что он ведет себя как-то странно? – спросила вдруг Туркина.

– Кто он?

– Ну этот... Голо... Голопуп.

– Ты хотела сказать – Голопуп.

– Неважно. Все равно он странный. Ты видел, как он двигается и как говорит? Голос звучит как у робота, и походка тоже... И потом этот внезапный приступ. Как будто он сказал что-то лишнее, а у него за это раз – и отключили рубильник. Подозрительно мне все это, ох как подозрительно, – пробормотала Катя.

– А по мне, так ничего нет в нем странного. Псих он, вот и все, – нахмурился Федор.

Катя уткнулась лбом в стекло.

– Как ты думаешь, может, нам пойти в милицию и все объяснить? – спросила она.

– Объяснишь ты им! Придешь, а они тебя за ушко и на солнышко! Ну уж нет! Так я им теперь и отдал диск! Мечтай, Вася, жуй опилки! – упрямо заявил Макаров. – Со мной по-хорошему, и я по-хорошему, а когда меня за дурака держат...

– ...то ты и поступаешь, как дурак! – машинально брякнула Туркина.

Опасаясь, что сообщение будут повторять и его услышит бабушка, Катя торопливо выключила телевизор. Она была ошарашена и ничего не понимала. Что они сделали такого особенного, что на них объявлена охота? Вся милиция города на ногах. Все считают их преступниками, хотя они только и сделали, что подошли к машине и подобрали выпавший из папки диск. Нет, запутанное дело, тут и говорить нечего!

– Но зачем, зачем все это? Зачем они врут? – пробормотала она.

Голос ее подрагивал, выдавая немалое волнение.

– А я откуда знаю, зачем? Кто у нас детективы на уроках читает? Я или ты? – хмыкнул Макаров.

Катя взяла себя в руки. До чего же сложно рассуждать логически, когда дело касается тебя самой! Туркиной даже пришлось поднапрячься и вообразить, что на ее месте находится кто-то другой, а она видит все на экране телевизора. Только тогда Катя смогла соображать здраво.

– Давай подумаем, – сказала она. – Они врут, значит, есть причина. Какая, вот в чем вопрос?

– Причина, причина... Большая и толстая причина, – невольно сказал Федор.

Его собственные рассуждения не были такими логическими, зато более житейскими. «Как хорошо, что мы одурачили милиционеров и смотались из леса! Пускай теперь попытят, поищут. Мало ли там народа в лесу катается!» – размышлял он в свою очередь.

Туркина тем временем напряженно просчитывала варианты. Вначале дело представлялось ей запутанным, словно ребус, но мало-помалу все прояснилось и встало на свои места.

Катя оглянулась на дверь, проверяя, не идет ли бабушка. Но экс-Снежная Королева, мечтавшая о роли Белоснежки или, на худой конец, доброй феи, уже вовсю распевала в ванной, где вдобавок была еще включена вода, а раз так, то едва ли могла что-либо услышать.

– Кажется, я поняла, в чем дело! – сообщила она.

Федор выжидающе уставился на нее. И что, интересно, Туркина могла понять?

– Подумай сам, о чем не сообщали по телевизору? – допытывалась Катя.

– О чем, о чем... О погоде на Карибах, – проворчал Федор.

Он терпеть не мог, когда с ним разговаривают снисходительным тоном.

– А еще о чем?

– Ты серьезно, что ли?

– Серьезнее не бывает. Как ни крути, они умолчали о сверкающем шаре, который мы видели за несколько секунд до гибели уфологов. И, кстати, о том, что в машине ехали уфологи, тоже ни слова не было сказано. Как бы это вообще не имеет никакого значения.

– Шар меня едва не прикончил, – задумчиво сказал Макаров. По своей всегдашней привычке он пожевал губами и добавил: – Хотя не исключая, что он и не подозревал о моем при-

сутствии. Возможно, это был один из шальных лучей, которые он пускал во все стороны, перед тем как исчезнуть... Наверно, пускал, чтобы убрать всех случайных свидетелей.

– Вот именно! Уфологов потому и заморозили, что они что-то знали! А еще потому, что у них был лазерный диск. Эх, если бы нам только удалось прочитать файлы! – почти простонала Катя.

– Мечтать не вредно, – буркнул Федор.

Он знал, что шестнадцать знаков пароля есть шестнадцать знаков и тут никуда не денешься. Это Макаров понимал хорошо, недаром у него была по математике твердая пятерка.

Единственная пятерка, кстати, на фоне прочих четверок и даже троек. Но это так, между прочим.

«Эх, полным-полна моя коробушка!» – донесся из коридора бабушкин голос, и на кухню протиснулась экс-Снежная Королева. В руках у нее был ворох одежды – рубаш, свитеров, брюк.

– Что-то я хотела вам сказать... Ах да, вы же все мокрые! Ныранием занимались? Живо раздевайтесь!

Зная, что спорить с бабушкой бесполезно, Туркина на минуту зашла к себе в комнату и тотчас вернулась уже в сухом. Бабушка тем временем воевала с упрямившимся Макаровым, отвоевывавшим свою мокрую рубашку. Свитер с него уже совлекли.

– Снимай рубашку, она у тебя сырая! – требовала экс-Королева.

– Так высохнет. Не буду я снимать рубашку! – упрямо бубнил Федор.

– Твоя мама мне спасибо не скажет! А ну снимай, наденешь сухую! Кому говорю!

Сообразив, что препираться дальше глупо, Макаров стал расстегивать рубашку, но внезапно сообразил, что на груди у него медальон, а на медальоне, с наружной его стороны, наклеена туркинская фотография.

«Если Катька увидит свою фотографию, это будет конец! Она поймет, что я ее люблю! Какой позор! Секрет будет раскрыт!»

Запаниковав, что это будет обнаружено, Федор принялся было вновь натягивать на себя мокрое, но зацепился пуговицей рукава за цепочку медальона. Медная цепочка, воспользовавшись таким случаем, немедленно порвалась, и медальон предательски соскользнул на пол.

Федор рванулся, чтобы схватить его и сунуть в карман, но опоздал. Медальон уже был в ладони у Кати, разглядывающей его с немалым удивлением.

– Смотри, бабушка, да тут же моя фотография! Чье это?

– Где чье? Ничье и нигде! – багровея, пробурчал Федор.

Туркина повернулась к нему. Она тоже выглядела слегка смущенной, но вместе с тем и торжествующей. В таких случаях девочки быстро соображают, что к чему.

– Не притворяйся! Этот медальон чей? Твой?

– Это разве медальон? – забубнил Макаров. – Первый раз его вижу. А где он лежал?

– Здесь.

– Прямо тут, на полу? Ну ты, Туркина, даешь: наклеила на медальон свою физиономию! – брякнул Федор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.